

**Галиченко
Анна Абрамовна**

Искусствовед и музейный работник. Живет в Алушке. В течение 25 лет последовательно занимала должности научного сотрудника, старшего научного сотрудника, зам. директора по научной части, ведущего научного сотрудника Алушкинского Государственного музея-заповедника. Автор более 70 публикаций по истории искусства и усадебной культуре Крыма, участник и организатор ряда выставок, конференций и симпозиумов, активный участник научно-образовательных программ Крымского центра гуманитарных исследований. Лауреат Государственной премии АРК 1993 года.

ISBN 978-966-648-177-4

9 789666 481774

Анна Галиченко

СТАРИННЫЕ УСАДЬБЫ КРЫМА

*Алушка, Гаспра, Лимена,
Мисхор, Мухалатка, Мшатка,
Новый Кучук-Кой, Олεις*

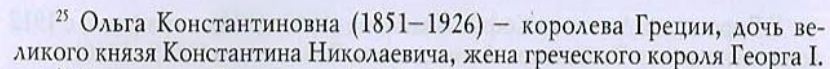
Анна ГАЛИЧЕНКО

СТАРИННЫЕ УСАДЬБЫ КРЫМА

В фонд
будущего
музея
С.В.Тарханов

с благодарностью
удовольствием
от автора
А. Галы
19.02.011
Москва - Москва

«Бизнес-Информ»
Симферополь
2008

²⁵ Ольга Константиновна (1851–1926) – королева Греции, дочь великого князя Константина Николаевича, жена греческого короля Георга I.

²⁶ Александра Иосифовна (1830–1911) – урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, великая княгиня, жена великого князя Константина Николаевича, брата императора Николая I.

²⁷ Иоанн Кронштадтский (И. И. Сергеев) (1829–1908), протоиерей и настоятель Андреевского собора в Кронштадте, церковный писатель и проповедник, пользовался известностью как исцелитель больных и инвалидов. Канонизирован Русской Православной церковью.

²⁸ Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император и прусский король (1888–1918). После революции в Германии 28 ноября 1918 года отрекся от престола. Умер в Нидерландах.

²⁹ Янышев И. А. (1826–1910) – протопресвитер, протоиерей придворных соборов, известный проповедник, духовник императора Николая II.

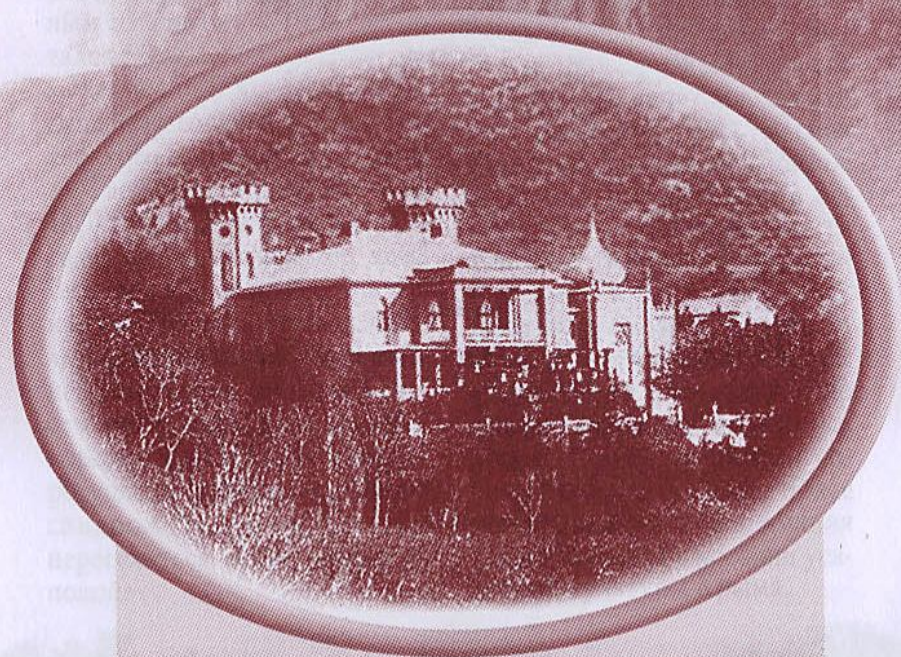
³⁰ Голенищев-Кутузов – Толстой Павел Павлович (1839–1914) – обер-егермейстер, директор железной дороги Москва–Брест-Литовский, правнук М. И. Кутузова по женской линии.

³¹ Екатерина Андреевна Балашева, урожд. графиня Шувалова (1848–1931) – жена обер-егермейстера, члена Гос. Совета Н. П. Балашева (1840–1931); родная тетка автора дневника, владелица Массандры.

³² Оболенский Николай Дмитриевич (?–1912) – князь, флигель-адъютант Александра III, затем генерал-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка.

ГАСПРА

«ЖИВОЙ ОСКОЛОК XVIII СТОЛЕТИЯ»

В начале XIX века это была маленькая татарская деревушка всего на 30 дворов, но с большим количеством земли (больше 1206 десятин), в которую входили Ореанда и мыс Ай-Тодор. Половина из этих земель принадлежала «казенным поселениям татар», остальная часть — частным лицам. Самым крупным собственником здесь считался главный южнобережный мулла Али Гаспринский — дедушка известного крымскотатарского просветителя Измаила Гаспринского. В середине 1820 года у него появились соседи: князь Мещерский, граф Витт, граф Дибич-Забалканский и барон Притвиц. Чуть позднее львиная доля земли Ореанды на недолгое время перешла в собственность графа Кушелева-Безбородко и в 1825 году была перекуплена императором Александром I с тайной целью переселиться сюда, «уйдя на покой».

Несомненно, этим же руководствовался личный друг императора князь Александр Николаевич Голицын (1773—1844), когда приобретал в 1829 году, недалеко от царских владений, гористые земельные участки посредине между верхним и нижним шоссе. По крымским меркам имение было совсем небольшим (всего 7 десятин) и называлось в честь императора «Александрией». В настоящее время его территорию занимает санаторий семейного типа «Ясная Поляна», дореволюционное прошлое которого если и освещалось в краеведении, то только в отношении пребывания здесь в 1901—1902 годах Льва Николаевича Толстого. Между тем, прошлое Гаспры чрезвычайно интересно. Оно связано с именами знаменитых людей, с неординарными событиями и заслуживает более пристального к себе внимания и особого места в истории усадебной культуры Крыма.

Князь А. Н. Голицын.
Гравюра Т. Райта, 1825 год (АГДПМЗ)

Карьера первого владельца Гаспры была типичной для царедворцев начала XIX века. В молодости острослов, вольтерьянец и масон, Александр Николаевич Голицын с 1816 года, по прихоти своего высокого покровителя, был вынужден взять на себя хлопотливые обязанности Обер-прокурора Священного Синода и министра просвещения. Он начал исполнять их — по его собственному признанию — «с языческой добросовестностью», отнюдь не чураясь общения с различными религиозными сектами и английскими квакерами. От последних Голицын воспринял идею создания Библейского общества и стал в России его первым Председателем. Одно время князь охотно посещал радения секты хлыстов Татариновой, а также был близок к обществу пиетистов, возглавляемых баронессой Ю. Крюденер и княгиней А. С. Голицыной. Лишь в конце жизни обер-прокурор раскаялся в ереси и превратился в страстного приверженца православия.

Во время возведения дворца Александр Николаевич ни разу не показался в Крыму и только иногда мечтал, как про-

ведет остаток дней в Гаспре. Всеми делами имения занималась его свояченица, княгиня Анна Сергеевна Голицына, обладательница соседнего Кореиза. Для своих и гаспринских построек она выбрала модный тогда в Крыму стиль английской готической архитектуры. Первый проект был заказан столичному архитектору Огюсту Монферрану, но был отвергнут из-за его дороговизны. Сохранившаяся переписка между владельцем и Анной Сергеевной позволяет в общих чертах воспроизвести историю сооружения усадьбы. После отказа от услуг Монферрана Александр Николаевич просил родственницу обратиться к строившему для графа Воронцова зодчему. В то время эти обязанности совмещал первый южнобережный архитектор Филипп Федорович Эльсон (1793–1867). Не исключено, что тот воспользовался проектом своего предшественника и создал собственный вариант, эскиз которого в настоящее время хранится в фондах Алушкинского музея-заповедника (АГДПМЗ). С 1834 года строительством гаспринского дворца руководил другой воронцовский архитектор — Вильям Гунт. Он же спроекти-

*Княгиня А. С. Голицына.
Художник Ф. С. Рокотов*

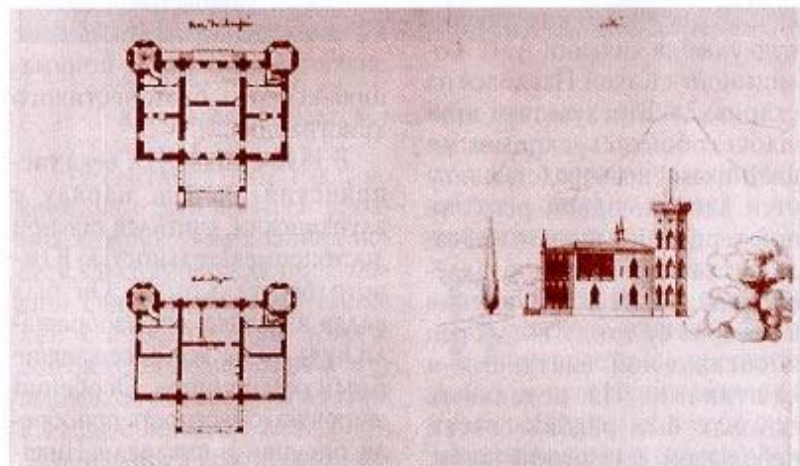
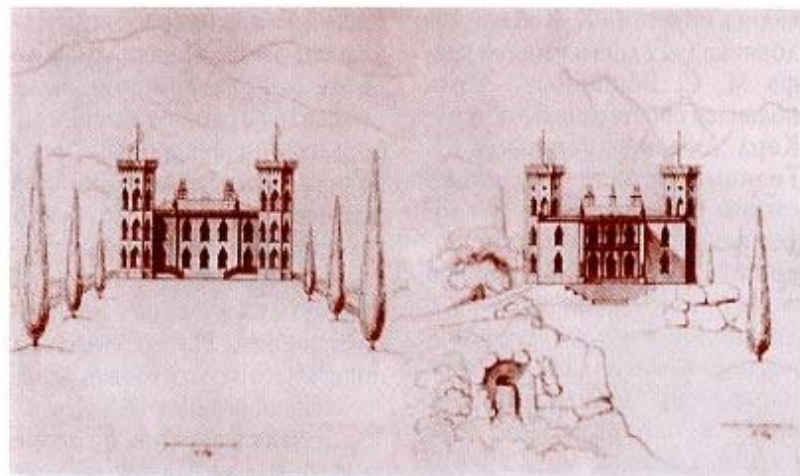
ровал небольшой домовый храм Св.Троицы. В общей сложности на все работы ушло около 7 лет, с 1830 по 1837 год.

В готовом виде дворец (чаще называвшийся замком) представлял собою двухэтажное, крытое черепицей прямоугольное в плане здание из гаспринского известняка, фланкированное по северному фасаду массивными трехъярусными гранеными башнями, в которых спрятаны чугунные винтовые лестницы. В двух этажах южного фасада выведены открытые веранды, что несколько выбивалось за рамки архитектуры северных замков, зато вполне соответствовало климатическим условиям южной природы и давало возможность любоваться открывающимися отсюда сказочно красивыми видами ближних и дальних окрестностей. Как башни, так и фасады в симметричном порядке были прорезаны рядами стрельчатых оконных и дверных проемов. Восьмигранник каждой из башен завершался выносным зубчатым карнизом, покоящимся на аркатурном пояске в обрамлении разноцветных иллюминаторов. Из них три окна «с фиолетовыми и золотистыми стеклами», как в волшебном

фонаре, преображали и без того дивные чудеса природы. Несмотря на внушительный внешний вид, внутри дворца было всего 12 помещений. Довольно просторные интерьеры первого этажа группировались вокруг холла с готическим лепным сводом. Двери холла с одной стороны сообщались с зимним садом, с другой – с боковыми помещениями первого этажа и тамбуром. На втором этаже, в западном конце здания, находилась спальня графа, в восточном – его библиотека и кабинет, сообщавшийся через навесной мостик с хорами церкви.

Вчерне здание было закончено уже осенью 1832 года, а в июле 1833 года производилась отделка помещений. В Одессе заказали мебель в готическом стиле с вышивкой на обивке в голубом и розовом тонах личного герба хозяина. Воронцовские мастера делали дубовую обшивку панелей, окон, дверей, украшали потолки лепниной, имитировавшей дубовые своды.

Много внимания требовало устройство парка. Первое время никак не могли найти хорошего специалиста и пользо-

Эскизы фасадов и планы дворца А. Н. Голицына в Гаспре. Ф. Ф. Эльсон (АГДПМЗ)

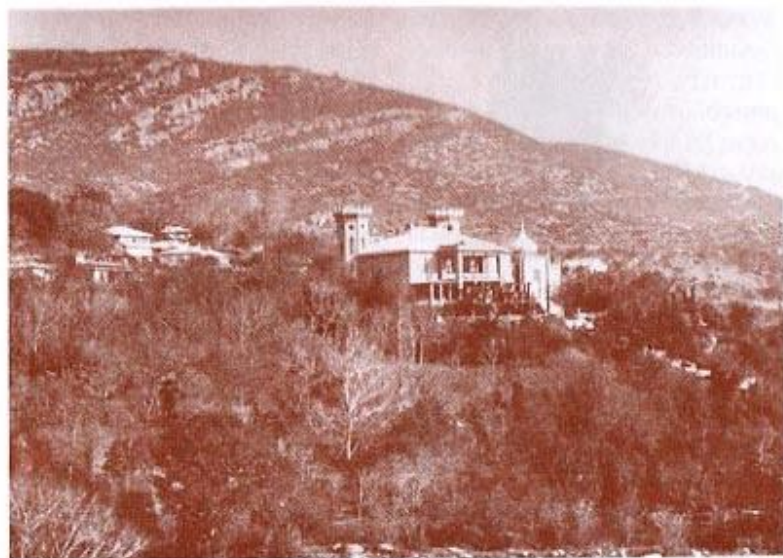

вались советами К. Кебаха, садовника соседнего имения графа М. С. Воронцова. Затем появился собственный мастер — Карл Людвиг Кремер. А. Н. Голицын, не зная условий местного рельефа, страстно хотел исполнить пожелание покойной императрицы-матери и устроить у себя террасу с цветником наподобие ее личного садика в Павловском парке. «Это было бы в моем вкусе и подходило бы, как нельзя лучше, к дому в готическом вкусе», — объяснял свое желание Александр Николаевич. Это вызвало саркастическую улыбку княгини А. С. Голицыной: «Какой Павловск на склонах?» В результате пришлось обойтись скромными цветниками непосредственно у стен дворца, одной регулярной террасой у южного фасада и главной въездной аллеей, ведущей от ворот имения к северному входу во дворец и обсаженной платанами и каштанами. На остальных склонах был разбит совсем небольшой английский парк, где вперемежку с местными дубами, кленами, грабами и тополями выросли типичные в то время экзоты: кипарисы, лавры, платаны, а также множество каштанов, завезенных

Никитским эконо-ботаническим садом с Кавказа. В лабиринте дорожек можно было отыскать парковую «руину» с большим позолоченным бронзовым крестом на вершине, из боковых отверстий которого пробивалась «изобильно чистая ключевая вода», наполняя у подножия «руины» небольшое озерцо. На его гладкой поверхности отражалась величественная вершина Ай-Петри. Так же как в Алушке, в Гаспре вид горы Св. Петра был не только неотъемлемым романтическим украшением парка, но имел особое мистическое значение, доступное пониманию всякого благочестивого христианина.

В 1840-е годы XIX века гаспринский дворец, наряду с алушкинским, считался главной достопримечательностью Южного берега Крыма. Он был виден издали, его изображали чуть ли не все посещавшие Крым художники. Особенно широкую известность приобрели рисунки и акварели Никанора Чернецова, созданные в 1833–1834 годах. Ни один сколько-нибудь известный путешественник не оставлял без внимания гаспринскую усадьбу А. Н. Голицына.

Южный фасад дворца. Фотография 1860 года (АГДПМЗ)

19 сентября 1837 года, во время поездки по Крыму, замок в отсутствие хозяина посетил в сопровождении большой свиты император Николай I и оставил на память соответствовавшую моменту запись. За десять дней до царя в Гаспре побывал поэт В. А. Жуковский. 8 сентября он осмотрел «уборку горниц», лишнюю, по его мнению, «индивидуальности», и отметил лишь одну «гостиную с гербами и рыцарскими шлемами». Больше всего Жуковский-ху-

дожник оценил виды окрестностей, открывавшиеся с веранды второго этажа.

В 1842 году, за два года до своей кончины, в Гаспре поселился престарелый полуослепший владелец и сразу же привлек к себе внимание окрестных помещиков. Граф М. С. Воронцов приказал приносить Александру Николаевичу Голицыну ежедневно из Алушки лучшие фрукты и вина. В усадьбу постоянно навещались сердо-

Северный фасад дворца. Фотография 1860 года (АГДПМЗ)

больные дамы, включая жену генерал-губернатора графиню Е. К. Воронцову. Они читали вслух по выбору князя что-нибудь из Библии или из любимых им светских книг, наполнявших шкафы большой библиотеки. «Живой осколок XVIII столетия», посвященный в интимные стороны жизни императора Александра I и, — как многие считали, — в его таинственную кончину, князь Голицын очень интересовал историографов и писа-

телей. В надежде получить ме-муары сановника, в Гаспру в качестве секретаря приехал Ю. Н. Бартенев. Ему удалось записать некоторые воспомина-ния князя и рассказать в по-зднее изданных записках о последних днях александров-ского вельможи, проходивших в общении с гостями, служи-телями церкви и в посещениях служб в своей домово-й церкви, где, как писали газеты того времени, пел лучший в Крыму хор девушек. А. Н. Голицын

заранее выбрал себе очень скромное место в Георгиевском монастыре, «у порога», где и был погребен в 1844 году со всеми соответствовавшими его чину почестями. После чего, по личному приказанию императора Николая I, в Гаспру срочно прибыл генерал-губернатор М. С. Воронцов, опечатал кабинет и с курьером отправил в Петербург личные бумаги усопшего.

Единственное свое недви-жимое имущество, «состоящее в садах и строениях» при дере-вне Гаспра, А. Н. Голицын завещал престарелой сестре (по матери) Е. М. Кологривовой с правами продажи или пере-дачи по наследству «племян-нику моему родному, камер-юнкеру, князю Николаю Сер-геевичу Голицыну».

Имущество, «состоящее в образах и других вещах», рас-писывалось поименно. В реес-тре оказалось много предме-тов, относившихся к драгоцен-ным реликвиям рода, всегда приближенного к трону.

Особый интерес представ-ляли золотой крест со святы-ми мощами в футляре, кото-рый, согласно описанию, был «пожалован царицею Ната-льею Кирилловною предку

моему князю Борису Алексе-евичу Голицыну, бывшему дядькою Императора Петра I во время стрелецкого бунта, когда он взял Петра I на руки, чтобы увезти его в Троицко-Сергиеву Лавру...». Золотой крест предназначался лично императору Николаю I «яко достойные предков его». А вот другой, по-своему Примеча-тельный, предмет: «Библия французская в 4-х томах, ко-торую я ежедневно читал, и малиновая бархатная книжеч-ка, где записывал ежедневно главы моего чтения и в кото-рой первая строка написана рукою Императора Алексан-дра I, ибо с сего числа мы на-чали читать Св.Писание вмес-те, которое Он по кончину свою читал ежедневно одною главою со мною». Святые ико-ны, миниатюрные портреты царей, жалованные ими дра-гоценности возвращались быв-шим владельцам или их наслед-никам. Какие-то вещи отошли местным крымским приятель-ницам, родственникам и пре-данно служившим ему секре-тарям и слугам, а что-то, в частности, мебель, книги, не-которые картины и эстампы, по воле покойного оставались во дворце навсегда.

Судя по дальнейшим событиям, наследники не успели воспользоваться завещанным имением. Очень скоро вслед за братом ушла в мир иной Е. М. Кологривова. В 1848 году скоропостижно скончался князь Н. С. Голицын. Во время Крымской войны 1853–1856 годов Гаспра находилась, как и многие другие усадьбы южного берега, в заброшенном состоянии. При каких обстоятельствах в начале 1860-х годов она стала мес-

том кратковременного пребывания великого князя Николая Николаевича-старшего так до конца и не ясно. Известно только, что уже в 1865 году имение оказалось в собственности Вадимира Васильевича Левашова, женатого на урожденной графине Паниной. С этого момента начали завязываться «узоры» между готическим родовым поместьем Паниных «Марфино» и близкой ему по стилю «Гаспррой».

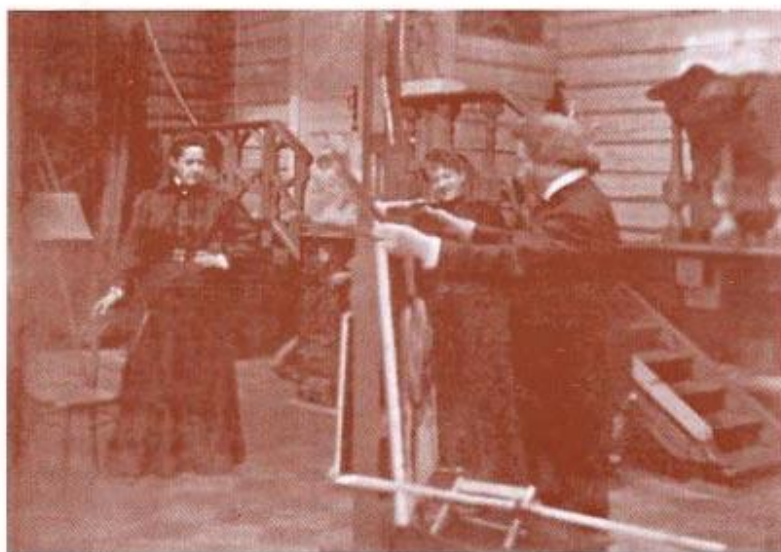
- 44 -

ГРАФИНЯ СОФЬЯ ПАНИНА

В 1890 году выходила замуж последняя представительница знатного рода Паниных молодая графиня Софья Владимировна Панина (1871–1957), обладательница несметных богатств, множества прекрасных домов и дворцов в столицах и провинциях России. Бабушка невесты, выдавая ее замуж, купила в подарок Гаспру. Она надеялась задобрить Софью, вырвать девушку из ненавистного окружения своей бывшей невестки Анастасии Сергеевны, урожденной Мальцевой (1850–1936). Дело в том, что после кончины первого мужа Ана-

тасия Сергеевна вторично вышла замуж за Ивана Ильича Петрункевича (1843–1928), при одном имени которого статс-дама Императрицы Марии Федоровны приходила в трепет. И было от чего.

Иван Ильич, юрист по профессии, и его старший брат (врач) Михаил Ильич (1845–1912) Петрункевичи были признанными лидерами земского либерального движения. Им принадлежала инициатива образования «Союза освобождения», Председателем которого Иван Ильич был в 1904–1905 годах. Он же возглавил первую в России оппозицион-

- 45 -

Илья Репин пишет портрет графини С. В. Паниной (фотография из коллекции В. Аляхович, Вашингтон)

ную конституционно-демократическую партию и в 1906 году представлял партию «кадетов» в Государственной Думе. Родственными и дружескими узлами Петрункевичи были тесно связаны с братьями Бакуниными, писателем В. Г. Короленко, а через них с академиком В. И. Вернадским и его семьей. Становится понятно, в какой духовной атмосфере росла девушка. Окружавшие Софью Владимировну люди смысл жизни искали в служении народу и терзались чув-

ством постоянной вины за девок, поротых на конюшнях их предков. Единственная наследница богатого рода воспитывалась в спартанской обстановке и была приучена бегать «по мужицким избам берегов Волги». Естественно, бабушка не могла этого переносить. Ей казалось, что замужество спасет заблудшую овцу, но случилось непредвиденное. Выбор жениха был во всех отношениях крайне неудачным. Скандальный бракоразводный процесс начисто отбил у молодой жен-

- 16 -

*Анастасия Сергеевна Петрукевич,
урожд. Мальцова,
в первом браке Панина
(фотография из коллекции
Ж. Феррана, Париж)*

щины желание когда-либо выходить замуж и вызвал полное отвращение к светской жизни. Освободившись от брачных оков, Софья Владимировна с головой окунулась в общественную и благотворительную деятельность. Она строила больницы, школы, помогала голодавшим, содержала на собственный счет сотни знакомых и незнакомых ей людей. В Петербурге на Лиговке Панина построила для рабочих Народный дом с воскресными классами для негра-

мотных, с различными ремесленными мастерскими, бесплатной столовой и амбулаторией. В Кореизе на средства графини был приобретен земельный участок для строительства больничного городка, за счет ее ежегодных взносов оплачивалось лечение нескольких больных и содержалась фельдшерка.

Чтобы превратить Гаспру в удобное для интеллектуалов и либералов пристанище, в имении были произведены существенные изменения. В 1895 году во время капитального ремонта дворца заново переложили балочные перекрытия башен, заменили наружную облицовку стен на мозаичную, крышу покрыли красной марсельской черепицей. Северный фасад украсили двумя выступами фигурных каменных порталов и небольшим нависающим со второго этажа балкончиком. Заменяли также прогнившие рамы окон и дверей. В их фрамуги ввели изящный готический переплет и цветное остекление. Такое же остекление получили раздвижные рамы нижней веранды.

- 17 -

*Территория бывшего имения «Чам-Азач» («Сосняк») Гончаровых.
Фотография 1999 года*

Помимо сохранившихся от прежних владельцев дворцового флигеля, кухни, дома плодovода, появились новые сооружения: дом управляющего, жилище для садовника, оранжереи, теплицы. У северной ограды разместили сторожку, а по другую сторону построили еще один дом для гостей, получивший название «флигель у фонтана».

Территория имения значительно округлилась за счет прикупленных у соседей земель

и на начало XX века составила 27 десятин 516 квадратных саженей, распределяясь по угодьям следующим образом: под постройками находилось 659 квадратных саженей, под дорогами, дорожками и усыпанными гравием площадками — 2,5 десятины; под оврагами — 1 десятина, под молодым лесом — 9 десятин 588 квадратных саженей. Остальные угодья были заняты виноградниками, фруктовым садом, огородами и пустошью.

- 18 -

Собственное шоссе имения. Фотография 1999 года

На севере Севастопольское шоссе отделяло имение от земель поселян деревни Гаспра. На востоке граница пролегла вдоль поместья «*Ай-Тодор*» великого князя Александра Михайловича и «*Барбо-Кристо*» А. А. Бекетовой. На юге владения заканчивались Нижне-Алупкинским шоссе; на западе – естественной границей служил глубокий овраг, проложенный руслом горной речки Гаспринки (Биюк-Узень), на другом берегу которой располагались имение внучки историка Карамзина – графини

Е. П. Клейнмихель и наследников брата Н. Н. Пушкиной – И. Н. Гончарова, называвшееся «*Чам-Агач*» («*Сосняк*»).

Рядом с Гаспринкой есть еще один овраг, в котором течет речка Кучук-Узень. Ее русло выложено крупными «*яйцеподобными*» камнями. Весной, когда в горах тает снег, по ним несутся бурные потоки. Летом речка почти пересыхает. Место это – по-своему колоритное и запоминающееся – имеет сильно пересеченный рельеф, крутые обрывистые берега, сплошь за-

- 19 -

Бывший флигель управляющего. Фотография 1999 года

росшие лиственными деревьями и соснами. Среди них проложены извилистые дорожки и собственное шоссе имения Гаспра, начинающееся в парке. Весь этот пейзаж увековечен в творчестве писателя В. В. Набокова, о чем пойдет речь ниже.

Мы располагаем кратким описанием парка, каким он был в 1921 году: «*Большая часть деревьев – дубы, ясени и дикие каштаны, – очень старые, по сто и более лет. До 1905 года делались посадки сосны, китлантуса, лавра, ма-*

полий, кипарисов и масли. В парке, расположенном на южном склоне горы с уклоном градусов в 25, почва достаточно влажная, благодаря чему поляны парка покрыты травой, которую косят и собирают от 200 до 300 пудов сена за лето. Под такими полянами около 2 десятии парка». Парк удивлял богатством и разнообразием цветников, особенно хороши были розарии. «*Площадка перед дворцом, вокруг фонтана, часть парка возле южной стороны дворца и одна сторона шоссе в пре-*

- 20 -

*Гостиная Гаспринского дворца. Фотография начала 1920-х годов
(из коллекции В. Ляхович, Вашингтон)*

делах парка обсажены штамбовыми, кустовым и вьющимися розами. Всего роз около 1000 кустов».

В начале XX века усадьба была в таком цветущем состоянии благодаря неутомимым трудам опытного и дельного управляющего Карла Христиановича Классена, проработавшего у Паниной без малого 20 лет. Именно при нем производили капитальный ремонт старых построек и возводили новые. Хорошо отлаженный хозяйственный механизм усадьбы сполна обес-

печивал ее жизнедеятельность. Фруктовый сад, виноградник и огород во все времена года поставляли к столу многочисленных постоянных и временных обитателей свежие фрукты и овощи. Садоводы Крыма особенно ценили вкусовые качества гаспринского сладкого и душистого столового сорта винограда Александрийский мускат. В тщательно ухоженных цветниках и теплицах круглый год выращивали розы, тюльпаны, фиалки. В дополнение к оставшемуся от А. Н. Голицына готическому

- 21 -

*Кабинет Гаспринского дворца. Фотография начала 1920-х годов
(из коллекции В. Ляхович, Вашингтон)*

убранству дворца завезли мебель и коллекцию картин старых мастеров из Марфино и Петербурга, впрочем, не всегда соответствовавших общему стилю интерьеров.

Опись имения за 1921 год позволяет в общих чертах реконструировать назначение интерьеров и их убранство. На первом этаже самой привлекательной должна была казаться гостиная в готическом духе со сводчатым потолком и камином. Там стояли рояль, изготовленный в

мастерской Промберга, несколько этажерок орехового дерева для нот и попютр красного дерева. На стенах висели картины в дорогих золоченых резных рамах, среди которых были подлинные работы Мурильо «Святое семейство» и «Братья Иосифа». Рядом с ними можно было видеть большое полотно неизвестного западноевропейского художника XVII века «Мадонна в венке из цветов».

Некоторым разнообразием убранства отличалась столовая. В ней выделялись своей мас-

- 22 -

*Верхняя терраса.
Среди отдыхающих В. И. Поль,
А. М. Поль, А. М. Петрункевич.
Фотография начала 1920-х годов
(из коллекции В. Аляхович,
Вашингтон)*

сивностью большой буфетный шкаф орехового дерева и зеркало в стиле ампир. На камине стояли часы черной бронзы «Деметра и Прозерпина» на подставке черного мрамора. Помимо живописных полотен на стенах также размещались четыре большие хромотографии с картин Горького на сюжеты Кавказской

войны. В северной комнате второго этажа отчасти сохранилась обстановка спальни А. Н. Голицына. Здесь висел его портрет, исполненный в мастерской Дж. Доу в конце 30-х годов XIX века (ныне в Алушкинском музее-заповеднике) и три акварельные работы Н. Чернецова. От первоначального убранства также оставались в библиотеке восемь дубовых книжных шкафов с украшениями в готическом стиле, изнутри затянутых зеленым коленкором, и стулья орехового дерева, обтянутые серобелым кретоном. Тут же на столе лежала подзорная труба, явно припасенная для любования окрестностями с террасы второго этажа. В противоположном конце здания, в бывшем восточном кабинете А. Н. Голицына, от его времени сохранились так называемые петровские стулья с изогнутыми инкрустированными спинками и сидениями, обитыми английским ситцем с рисунком зеленых лавровых гирлянд по розовому фону. Последние владельцы привнесли сюда дорогие их сердцу картины Ярошенко и фотографические портреты Бакуниных, Бетховена, Толстого и Гете.

«Я ВЫНЕС ИЗ СВОЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ГАСПРЕ САМЫЕ ХОРОШИЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

Летом 1901 года всю Россию облетела весть о болезни А. Н. Толстого. Графиня С. В. Панина предложила Льву Николаевичу отдохнуть в Гаспре вместе со своими близкими. Не желая в чем-либо стеснять обожаемого ею писателя, сама Софья Владимировна на это время решила сюда не показываться, но поручила К. Х. Классену устроить дорогих гостей с максимальным комфортом. 8 сентября 1901 года здесь их встретили хлебом-солью, с приветственным адресом от граждан Ялты. Сопровождавший А. Н. Толстого пианист и композитор Гольденвейзер, должно быть, опробовал стоявший в готической гостиной рояль Промберга. «*Верх удобства и роскоши*», в которых оказался писатель, по собственному признанию Льва Николаевича, его немало смущали. «*Вот-те и простота, в которой я хотел жить*», — с горечью признавался он родным.

Не проходило дня без разного рода посетителей. Помимо постоянно навещавших Толстого А. Чехова и М. Горького, а также врачей И. Н.

- 23 -

*Графиня С. В. Панина.
Фотография 1915 года*

Альтшулера, К. В. Волкова, В. А. Щуровского, А. Б. Бертенсона и С. Я. Елпатьевского, гостями Гаспры были поэт К. Бальмонт, философ С. Н. Булгаков со своей свояченицей, издательницей марксистской литературы М. И. Водозовой. Время от времени тут появлялись родители С. В. Паниной — Иван Ильич и Анастасия Сергеевна Петрункевич. Вокруг усадьбы постоян-

- 24 -

А. Н. Толстой и А. П. Чехов в Гаспри. 1901 год.
Фотография П. А. Сергеевко

но бродили какие-то люди. За советом и помощью к своему кумиру обращались бедные интеллигенты, рабочие-революционеры, иностранные писатели, духоворы, молокане. От тех дней сохранилось много фотографий на память, их большая часть была сделана Софьей Андреевной Толстой и П. С. Сергеевко. Читателю советуем обратить внимание на кадр, где Толстой и Чехов сидят на верхней террасе за небольшим чайным столиком и о чем-то беседуют. Это фото упомянуто в романе В. Набокова «Пнин».

Сначала все обстояло как будто бы хорошо. Гости много гуляли по окрестностям, ездили верхом к водопаду Учан-Су и в Симеиз, ходили по горизонтальной дорожке в Ореанду, на мыс Ай-Тодор, восхищались видами лунных ночей в Гаспри. 16 сентября пошли большой компанией в Алупку, где Толстой взял на себя роль добровольного гида. Во дворце, показывая своим спутникам портреты хорошо знакомых ему Воронцовых, Лев Николаевич рассказывал мало известные факты их жизни. Еще в 1896

году Толстой задумал «все разрастающийся ... эпизод из кавказской войны 1851–52 годов», впоследствии превратившийся в повесть «Хаджи-Мурат», и писателя, ни в чем не отступавшего от правды жизни, очень интересовали конкретные детали поведения Воронцова в этих событиях, его взаимоотношения с царем, подчиненными и, главное, с Хаджи-Муратом.

В Гаспри Лев Николаевич много и мучительно работал над статьей «Что такое религия и в чем сущность ее», где, к немалому смущению православного человека, настаивал на праве верующего «иметь отношение с Богом без посредников». 26 ноября Толстой записал в «Диалогах», что вроде бы кончил статью, но, как всегда, сомневается «в важности и доброте этого сочинения».

С 14 декабря болезнь А. Н. Толстого обострилась. Софья Андреевна внесла в свой дневник встревожившую всех новость: «Лев Николаевич поселился внизу со вчерашнего дня, чтобы не ходить по лестнице. Комната его рядом с моей опустела, и эта мертвая тишина наверху какая-то злоецающая и мучит». Потом Толсто-

- 25 -

А. Н. Толстой и доктор
К. В. Волков. Гаспра, 1902 год

му опять стало лучше. Он даже спустился в Мисхор к отдыхавшему в Олеше Максиму Горькому. 23 декабря Лев Николаевич принес из парка розово-лиловый цветок — скорее всего, крокус. Значит, погода стояла не по-зимнему теплая. Это подтверждает запись в дневнике Софьи Андреевны: «Миндаль хочет цвести, белые подснежники распустились. Хорошо! Я начинаю любить Крым».

А. Н. Толстой и А. П. Чехов
в Гаспре. 1901 год.
Фотография С. А. Толстой

Утром нового 1902 года появился К. Х. Классен с «чудесными фиалками». О чем мог думать долгими бессонными ночами духовный лидер русской интеллигенции, находясь во дворце, где все еще висел портрет его первого владельца? О сектантских заблуждениях, случавшихся с А. П. Голицыным в молодости? О слепой преданности того Александру I и о тайне превращения царя в старца Федора Кузьмича? Из некоторых источников известно, что эта тема, наряду с другими, об-

суждалась в беседах с великим князем Николаем Михайловичем, несколько раз посетившим Толстого в Гаспре осенью 1901 года. Писатель надеялся обнаружить в загадочном событии декабря 1825 года достойный пример ухода из мирской жизни высшего лица в государстве и даже взялся сочинять свою версию этой легенды, да так и не закончил.

Возникшая затем переписка Толстого с великим князем Николаем Михайловичем оставляет ощущение, что после встреч в Гаспре между ними установились, несмотря на многие «неловкие противоречия», вполне доверительные отношения. Настолько доверительные, что великий князь рискнул передать по просьбе Льва Николаевича, написанное Толстым 12 января 1902 года чрезвычайно дерзкое обращение к царю. Оно начиналось словами апостольского послания: «Любезный брат ...», а заканчивалось потоком обвинений в адрес самодержавия, «отжившей формы насильственного правления» и «связанного с ним православия». Письмо содержало такие выражения, которые власть никогда не прощает, а тогда они жадно выслушивались и стано-

вились лозунгами грядущей революции. Соратники и сподвижники братьев Петрукевич — князья, графы, бароны, крупнейшие землевладельцы России — не могли дожидаться, когда же наступит «свобода передвижения, обучения, вероисповедания, уничтожение права собственности». Одним из первых великий князь узнал от Толстого о другом, не менее дерзком, сочинении, также написанном в Гаспре и адресованном «К рабочему народу». В нем обосновывалась постоянно мучившая писателя идея о необходимости уничтожения земельной собственности.

После 12 января в Гаспре начался переполох. Сюда один за другим спешили врачи. Больному стало гораздо хуже. Его мучила тяжелая хвороба, помноженная на разлад веры, духа и тела. Но даже в бреду не прекращал работать мозг гения. Близкие спешили записывать произносимые вслух мысли. Однажды он вдруг сказал: «Надо проболеть тяжелой болезнью, чтобы убедиться, в чем жизнь: чем слабее тело, тем сильнее становится духовная деятельность». В дру-

гой раз, рассуждая как бы про себя, Лев Николаевич произнес: «Три модные философии на моей памяти: Гегель, Дарвин и теперь Ницше. Первый оправдывал все существующее; второй приравнивал человека к животному, оправдывал борьбу, то есть зло в людях; третий доказывает, что то, что противится в природе человека злу, есть ложное воспитание, ошибка. Не знаю, куда идти дальше».

Вся страна замерла в тревожном ожидании. В Ялту потоком шли телеграммы от общественных организаций и встревоженных газетными сообщениями людей с вопросами: «Что Толстой? Как его здоровье?». Между тем, Лев Николаевич был настолько близок к кончине, что родственники обратились к графине Паниной с просьбой выделить в Гаспре место для погребения в случае смертельного исхода. В свою очередь, церковные власти надеялись, что кроткий человеколюбивый ялтинский благочинный о. Василий Попов при поддержке супруги писателя уговорит Толстого исповедаться и причаститься перед кончиной. Напрасно. В начале мая последовало еще одно испытание:

А. Н. Толстой во время обострения болезни с дочерью Т. А. Сухотиной. Гаспра, 1902 год

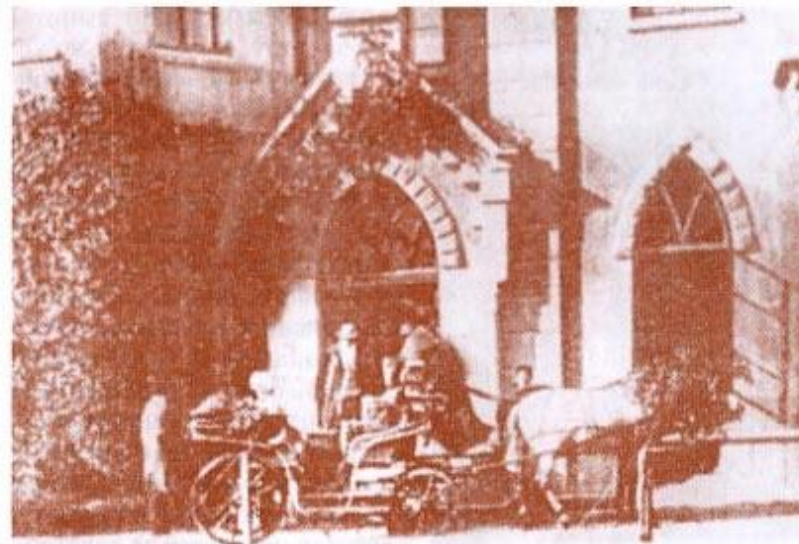
- 28 -

врачи установили тяжелую форму тифа и уже не надеялись поднять больного с постели, а он, вопреки мрачным опасениям, выжил.

26 мая 1902 года был чудный теплый день. Толстой провел его на воздухе, заканчивая начатую накануне статью «К рабочему народу» и принимая посетителей. «Утром Скиталец, а вечером Короленко, Елпатьевский и доктора», — сообщал он дочери. Льву Николаевичу еще повезло увидеть, как зацвели в парке белые магнолии и лилии и в полной мере насладиться предельно ясных жарких дней и светлых лунных

ночей. В сопровождении докторов и верного Классена он будет с удовольствием кататься в «Ай-Тодор» и «Ореанду», еще раз навестит Алупку и даже проплывет на лодке вдоль ее берегов, но это уже последний раз в жизни. Проведя в Гаспре десять месяцев, Толстой покинул ее 25 июня 1902 года. За несколько дней до отъезда он отправил графине Паниной письмо с благодарностью за приют и закончил его такими словами: «*В внутренней жизни я приобрел очень много для себя драгоценного. Во внешней же жизни, особенно во время выздоровления, я получил большие наслаждения от прелестной природы, среди которой стоит ваша прелестная Гаспра.*».

Надо отдать должное владельцам усадьбы, они сделали все возможное, чтобы сохранить память о пребывании в ней гениального писателя. Все находилось на своих местах: мебель, книги и вещи, которыми он пользовался. На нижней застекленной террасе до 1941 года стоял гарнитур плетеной мебели в зеленую сетку: кушетка, множество диванчиков, стульев, кресел, столов. Лежали специально оп-

Отъезд А. Н. Толстого из Гаспры 25 июня 1902 года

- 29 -

равленные в «золотые доски» отписки написанных здесь статей, шахматные доски, шашки и домино, к которым прикасались руки писателя. Здесь же размещалась часть библиотеки, которой он пользовался при работе: «1165 томов книг и журналов на иностранных языках и 230 книжек-приложений к русским журналам».

Нечего и говорить, что для всех последующих постоянных и временных обитателей Гаспры, пребывание в ней всегда было окрашено именем А. Н. Толстого. Сюда стремились

попасть самые преданные его поклонники и последователи, особенно из числа тех «прекраснодушных мечтателей», которые жаждали немедленно и навсегда преобразовать мир на основе собственных, как мы теперь понимаем, ложных представлений о законах социальной справедливости. Удивительное это место. Слово магнитом притягивало оно к себе беспокойных, мятежных духом людей, причем, — что странно и даже загадочно, — на самых крутых поворотах уготовленной им судьбы.

ПОД ПОКРОВОМ СВЯТЫЕ ТРОИЦЫ

Н. Н. Абрикосова (Хлудова).
Фотография начала 1880-х годов
(из коллекции Н. Птицыной,
Москва)

Неизгладимый след в жизни некоторых очень известных людей оставила скромная домовая церковь гаспринского замка. Здесь 17 сентября 1900 года отец Василий Попов венчал Надежду Николаевну Хлудову (1862–1936), в первом замужестве Абрикосову, и чеха Карела Крамержа (1860–1937). За три года до этого знаменательного для них события они приобрели в Нижнем Мисхо-

ре маленький участок земли и вскоре построили там роскошную виллу «Барбо», которую супруги надеялись со временем превратить в своего рода античную академию, где жили бы вместе «славянские писатели, художники, ученые», где завязывались бы контакты, «так необходимые в культурной жизни». Через 18 лет Крамерж станет премьер-министром в правительстве Массарика и сделает все возможное, чтобы русская эмиграция в труднейшее для нее время не чувствовала бы себя чужой в Чехословакии. Он и его жена помогут устроиться сотням крымских изгнанников, своим друзьям по Гаспре и Мисхору.

Выдающийся русский мыслитель, экономист, философ и богослов о. Сергей (Николаевич) Булгаков (1871–1944) свел знакомство с владельцами и обитателями замка с тех пор, как женился на дочери хозяина соседнего с ними имения «Олеиз» Елене Ивановне Токмаковой. Для бывшего марксиста и атеиста это были годы гнетущего разлада с собственными убеждениями и столь же мучительного возвращения в лоно православной церкви, ко-

торые он называл временем «завов и встреч». В конце концов духовная связь с Гаспррой стала воистину мистической, чему причиной оказалась безвременная кончина маленького сына Булгаковых Ивашечки 27 августа 1909 года (погребен на Корезском кладбище в ограде семейного захоронения Токмаковых). По последним уточненным данным отпевание ребенка происходило в гаспринском домовом храме Св.Троицы, путь к которому его безутешный отец описал с трагической силой в своем богословском труде «Свет Невечерний»: «О, мой светлый, мой белый мальчик! Когда несли мы тебя на крутую гору, и затем по знойной и пыльной дороге, вдруг свернули в тенистый парк, словно вошли в райский сад; за неожиданным поворотом сразу глянула на нас своими цветными стеклами ждавшая тебя, как ты прекрасная, церковь. Я не знал ее раньше, и, как чудесное видение, предстала она, утопавшая в саду под сенью старого замка». При совершении литургии Сергей Николаевич, по его словам, так явственно, так зримо ощутил присутствие в алтаре ангелов, что этот «святой ужас» про-

К. Крамерж.
Фотография 1900-х годов

нес через всю последующую жизнь. Уже будучи священником, каждый раз, когда на то предоставлялась возможность, он с особым благоговейным трепетом и радостью служил в этом храме. Бесплотные силы небесные, чудесным образом освятившие кончину Ивашечки, стали предметом многих богословских сочинений о. Сергия, и эти мистические переживания не могли не отразиться на содержании его бесед с близкими и друзьями. Не может быть, чтобы в

С. Н. Булгаков.
Фотография 1902 года

Отец Сергей (Булгаков).
Фотография 1940-х годов

1918 году в Гаспре к ним не прислушивался юный поэт Сирий (первый псевдоним будущего писателя В. Набокова), автор написанной там поэмы «Ангелы». Иначе, как можно

объяснить присутствие определенного религиозного опыта и богословской мысли в поэме, написанной еще незрелым и мало сведущим в вопросах веры девятнадцатилетним юношей?

«ПРОФЕССОР ПАН-НИН»

Под гостеприимным гаспринском кровом Владимир Набоков (1899–1977), только что состоявшийся выпускник Тенишевского училища, появился вместе с двумя братьями и воспитателем 18 ноября 1917 года. Че-

рез две недели к ним присоединились мать с младшими детьми, прислугой и гувернанткой. Немногим более, чем через месяц, познав все прелести революции и чудом избежав ареста, в Гаспру приехал глава семьи, бывший Управля-

Слева на право: В. Д. Набоков, И. В. Гессен, П. Н. Милуков,
И. И. Петрункевич. Фотография 1900-х годов

ющий делами Временного правительства Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922).

Сама владелица усадьбы Софья Владимировна Панина, исполнявшая в том же правительстве обязанности заместителя министра Государственного Призрения и товарища министра Народного Просвещения, подверглась аресту, но вскоре была освобождена благодаря заступничеству рабочих, помнивших ее как создательницу Народного Дома. Решив не искушать судьбу, Софья Владимировна

отправилась на Дон, примкнула к Белому движению и до конца оставалась в его рядах.

Кроме Набоковых, в Гаспру съехалось немало родственников Петрункевичей-Бакуниных-Паниных во главе с матерью и отчимом Софьи Владимировны, которые и поселились во дворце. Поэтому Набоковым отвели так называемый «флигель у фонтана». На его месте, по нашему предположению, теперь находится лечебный корпус санатория.

Двухэтажное каменное сооружение, в два раза меньшее,

- 34 -

Лечебный корпус санатория «Ясная Поляна», на месте которого находился «флигель у фонтана». Фотография 1999 года

чем дворец, с двумя наружными лестницами и с девятью жилыми комнатами, с массивной мебелью, временно перенесенной из закоулков дворца, было немым свидетелем жизни в Гаспре юного В. Набокова. Здесь появлялись новые бабочки в коллекции страстного энтомолога и не меньшее количество прекрасных стихотворений Сирина. Калейдоскоп драматических событий гражданской войны в Крыму, окрашенных лирическими переживаниями поэта, впоследствии образует единую мозаичную картину. Бок о бок застынут в ней

и «повиснут на кончике пера» и «потемкинская флора в парках побережья», и сумрачный «ялтинский мол», где «дама с собачкой потеряла когда-то лорнет», а теперь «большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив стеной к морю, расстреливали их» («Другие берега»).

Как прежде молодой Пушкин искал и находил вдохновение в местных ориентациях, так через сто лет после него другой поэт жаждал тех же впечатлений.

Для Пушкина Крым навсегда остался «волшебным краем», «очей отрадой». Для Сирина-Набокова здесь был «приют любви ... туманной», потерянный рай, и вместе с тем страшный и через четверть века сон его героев, в котором они у «пустынной полосы» ждут «из-за безнадежного моря» «какого-то загадочного избавителя». Пнин, Ганин, Смуров, Никитин, Мартын Эдельвейс в роковые минуты грезят, прозревают былое, невозвратное, пытаются сквозь затуманенное сознание отыскать утраченный первообраз. Их преследует запах мушмулы, глицинии и акации; они чувствуют на губах вкус спелой черешни и терпкого вина из «чеховской корзины», они спускаются высохшим руслом ручья, блуждают в темных аллеях, созерцая знаковый символический пейзаж — «опоясанный каракулевой хвоей, зубчатый Ай-Петри».

По скрупулезно составленным дневникам неутомимого энтомолога и проставленным под многими стихотворениями датам, можно было бы составить хронику жизни и творчества будущего писателя, по крайней мере, за один гаспринский год. Можно прочув-

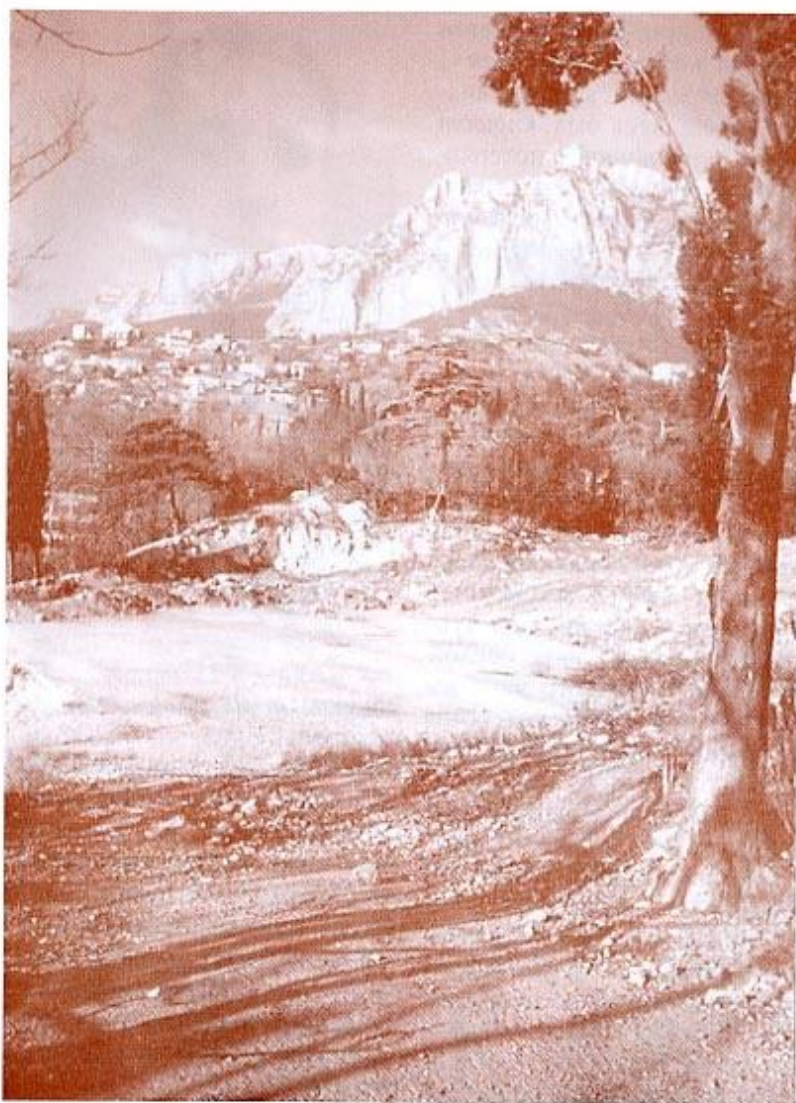

- 35 -

В. Набоков. Фотография 1916 года

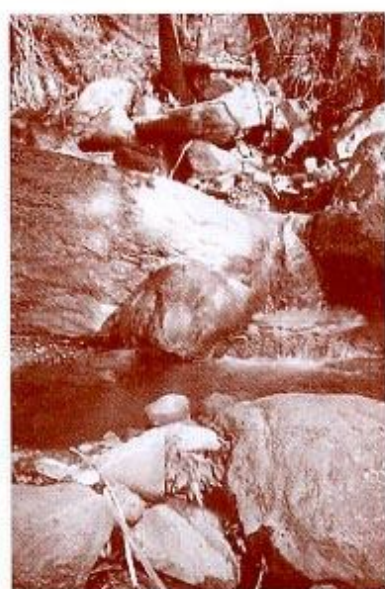
ствовать, как много значили для него заветные письма девушки, которые он читал «на той кремнистой тропинке, над белым, как мел, руслом ручья, отдельные струйки которого прозрачными дрожащими полосками оплетали яйцеподобные камни, через которые они текли...» («Другие берега»).

Эти «пять писем» и горный ручей — то высыхающий, то наполняющийся (символы

-36-

Вид на Ай-Петри из нарка. Фотография 1999 года

-37-

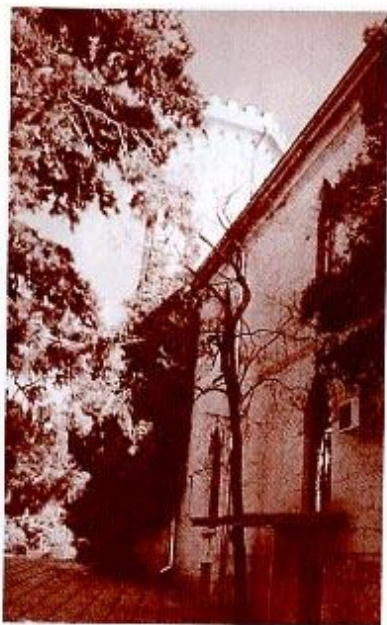
Русло реки Кучук-Узень.
Фотография 1999 года

ускользающего времени) — вместе с незыблемым по своей сути знаком «горы» будут с завидной настойчивостью кочевать у Набокова из стихотворения в стихотворение, из романа в роман, сплетая самые невероятные «тематические узлы», помогая в иномирии сюжетов отыскивать знакомые черты. «Ганин вспомнил, как получил это письмо, как пошел в этот далекий январский вечер по крутой каменной тропе, мимо татарских частоколов, увенчанных там и сям конскими черепами, и как сидел над ручьем, тонкими струями омывающим белые гладкие камни, и глядел сквозь тончайшие бесчисленные, удивительно отчетливые сучки голой яблони на розовато-млеющее небо...» («Машенька»).

Нам еще предстоит оценить, насколько точно память автора сохранила подлинные черты пейзажа в окрестностях имени Паниной, а пока наведем мосты («металлический» или «деревянный») к другим берегам и окажемся «вдруг на мощеной дороге, где стоял ржавый, но все еще блестящий указатель, дающий направление заблудшим — «В Сосны» («Пнин»).

Однажды герою одноименного романа — русскому профессору Пнину — пришлось долго блуждать на машине серпантинном горной дороге, чтобы отыскать в мифическом Онквендо нужную усадьбу. Сначала ему почему-то предложили заведомо ложный маршрут — «на параллели Онежского озера в Северной России». Вероятно по этой причине комментаторы романа взялись отыскивать профессору прототип с фамилией «рус-

Западный фасад дворца.
Справа внизу окно комнаты,
где жил во время болезни
А. Н. Толстой.
Фотография 1999 года

ского поэта и публициста —
вольноподумца из окружения Ра-
дищева — Ивана Петровича
Пнина». В тоже время в ро-
мане присутствует другой, бо-
лее точный указатель, с внят-
но читаемым ключевым сло-
вом, и «слово» это отчетливо
произносится при первом же
представлении нового препода-
вателя студентам Уэйндель-
ского университета: «Профес-

сор Пан-Нин». Надеюсь, у
меня тут правильно записа-
но».

Ассоциации с Гаспррой воз-
никают сразу, и становится
ясно, что за знаковой фигу-
рой профессора Пан-Нина
стоит целый мир людей, вещей,
понятий, связанных с вполне
конкретным местом — усадьбой
графини С. В. Паниной. По-
этому читателю следует дер-
жаться не «на параллели Онеж-
ского озера», а, скажем, на
параллели «Охридского озера
на Балканах, что соответ-
ствовало бы истине». И что,
по нашему убеждению, куда
как ближе координатам Крым-
ского полуострова.

Итак, знакомый пейзаж.
Гора, господствующая над ме-
стностью и спрятанная в ро-
мане за псевдонимом «Эт-
рик». В Крыму ее узнают по
византийскому звучанию сло-
ва «Ай-Петри», по вырази-
тельной набоковской метафоре
«опоясанный каракулевой
хвост, зубчатый Ай-Петри».
Чем пристальнее вчитываешь-
ся в текст, тем чаще находишь
совпадения: «Зеленое море, ко-
торое составляли по большей
части клены, буки, душистые
тополя и сосны». И наконец,
сам «замок», заклеянный
выражением, явно заимство-

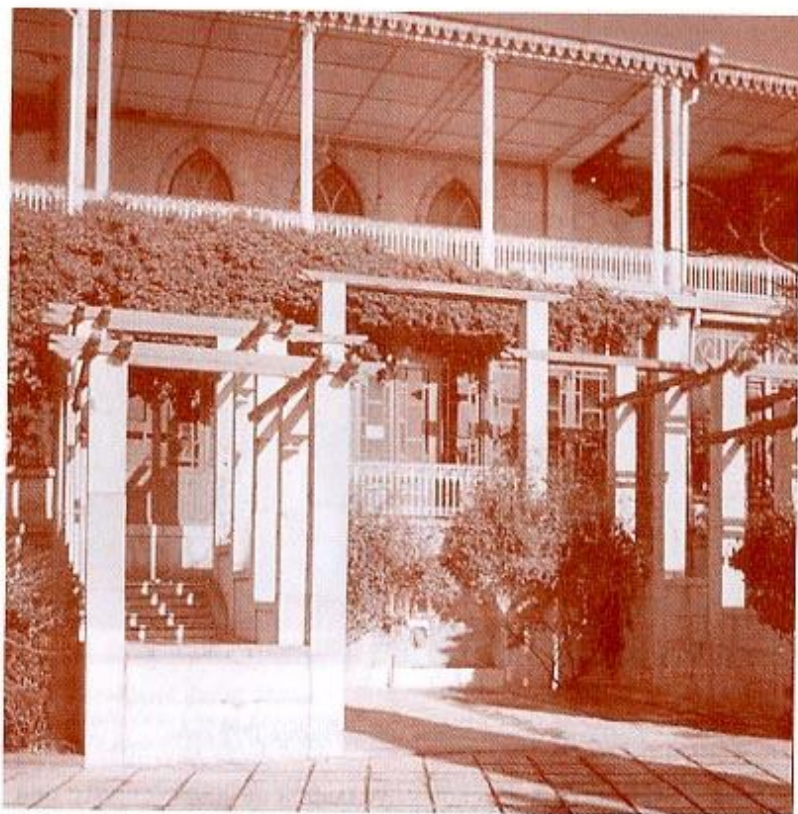

Северный фасад дворца. Фотография 1999 года

ванным из арсенала советской
критики. Он назван «вычур-
ным и уродливым образом уб-
людоочной эклектики» с остат-
ками «французского и флорен-
тийского стилей». «Внутри
дома, — иронично сообщается
далее, — разноразной был столь
же велик, как снаружи ... раз-
нообразные громоздкие и убо-
гие предметы». При более вни-
мательном знакомстве с этой
вымышленной американской

усадьбой выясняется, что она
«кишмя кишела русскими
émigré» — либералами и ин-
теллектуалами, покинувшими
Россию около 1920 года. За-
тем следует весьма важное до-
полнение: «Самуил Львович
Шполянский и граф Федор
Никитич Порошин, малень-
кий заика, легко приходящий
в возбуждение, — оба они году
в 1920 были членами краевых
правительств, сформирован-

Южный фасад дворца. Фотография 1999 года

ных в провинциях России, чтобы противостоять большевистской диктатуре». При этом можно впасть в соблазн и начать распутывать авторское хитросплетение из титулов, имен, отчеств, фамилий и даже национальной принадлежности героев, узнавая за

ними портреты и характеристики соратников и сподвижников Петрункевича, графини Паниной и Набокова-старшего. Все они неоднократно появлялись в Гаспре. Возможно, это не бесплодная задача. Нам же сейчас куда важнее уловить главную мысль писателя — эти

либералы и интеллектуалы образца первой половины XX столетия русской истории, словно птицы в клетке, сидящие « на занавешенной металлической сеткой террасе » чуждого им Запада — плоть от плоти той самой террасы (корневое слово — терра-земля), на которой кажется « так недавно сидели Толстой и Чехов », совсем как на памятной гаспринской фотографии. Оказавшись не по своей воле в Америке, они ни в чем не изменились. Все так же продолжают есть свою botwin'a, все так же не устают спорить по поводу разницы « между духовным миром Левина и физическим миром Вронского ».

В. И. Польш. Фотография 1960 года

В творчестве юного Сирина гаспринского периода ощутимо прослеживается влияние художественной среды Ялты, переполненной в годы гражданской войны широко известными в культуре серебряного века именами. Организаторами и вдохновителями множества концертов, выставок, творческих и философских диспутов, бурливших несмотря на губительное для России время, словно « ниф во время чумы », были редактор журнала « Аполлон » Сергей Маковский, художник Иван

Билибин и музыкант Владимир Иванович Польш (1875–1962), с которым Набоков соприкасался более других, так как находился под одним с ним кровом.

В своей книге « На Парнасе серебряного века », изданной в Мюнхене в 1962 году, Маковский посвятил В. И. Польшу, возглавлявшему после войны русскую парижскую консерваторию, проникновенный очерк. Из него мы узнаем, что многое связывало этого одаренного музыканта и композитора с Ялтой, куда он впервые приехал лечиться от туберкулеза в 1904 году и вскоре,

А. М. Ян-Рубан.
Фотография 1925 года

по рекомендации Цезаря Кюи, стал директором «Крымского отделения Императорского Русского музыкального общества». Здесь Владимир Иванович встретил женщину, с которой связал свою дальнейшую судьбу и для которой сочинил большинство своих романсов на стихи Ф. Тютчева, К. Бальмонта, Ал. Толстого и других русских поэтов. Вспоминая его всегда рядом с женой, камерной певицей Анной Михайловной Петрункевич (1875–1955) — «молодой

красавицей с породистым профилем и гордо поднятой головкой в пышных темных косах», — Маковский, между прочим, заметил, что именно в высококультурной среде семьи Петрункевичей и «в атмосфере энциклопедической просвещенности, выработал Поль свое мировоззрение пианиста и композитора, и расцвел удивительный дар ее, Ян-Рубан, камерной певицы». Это была та атмосфера, «где музыка дружила с философией красоты Италии, с русским фольклором, где встречались постоянно — Лев Шестов, Евгений Трубецкой, С. Н. Булгаков, Вячеслав Иванов, Глиэр, Гречанинов, Метнер». По свидетельству того же Маковского, оба они часто бывали в Ясной Поляне и Хамовниках, потому что «великий старец благоволил к молодой чете».

Видимо, репутация многоопытного «мудреца», закрепившаяся за Полем, завораживала Набокова. Юноша охотно бывал в его обществе, участвовал в совместных дальних прогулках по горам и даже выступал с чтением стихов в организованных Полем и Маковским концертах. В частности, в Симеизе, во дворце родственников Петрункеви-

чей — Мальцевых юный поэт впервые исполнил в жанре мелодекламации свою поэму «Ангелы», которую, как известно, В. И. Польш заказывал специально для написанной им музыкальной сюиты. Их совместное выступление имело оглушительный успех. Этому необыкновенному человеку посвящены написанные Набоковым уже в эмиграции стихотворение «Эфемеры» и поэма «Капли красок», все семнадцать строк которой есть ни что иное как словесный портрет музыканта, художника и философа, увлекавшегося, как и многие его собратья по искусству серебряного века, всем сразу — идеями христианства, буддизма, толстовства, открытого декаданса.

Еще охотнее Набоков бывал в компании своих сверстников из соседнего с Гаспррой «Олеиза». Внучка владельцев усадьбы Токмаковых — Лида Водовозова, в будущем Лидия Николаевна Серебровская (1896–1934) — предмет недолгого крымского увлечения поэта, адресат нескольких лирических стихотворений. Вместе с остальными обитателями «Олеиза» она войдет в число героев другого зарубежного романа Набокова — «Подвиг».

В свое время Токмаковы по примеру графини Паниной организовали в Кореизе Народный дом, где устраивали концерты, спектакли и другие интеллигентские забавы для просвещения окрестного населения. В 1902 году на этой сцене дебютировала младшая дочь Льва Толстого — Саша, сыгравшая роль старой экономки в пьесе Островского «Не все коту масленица». Присутствовавшую на представлении Софью Андреевну Толстую удивило и порадовало «странное сочетание людей играющих: жена доктора, кузнец, фельдшерница, каменотес и графиня». Интересно, вспоминали ли этот спектакль основательница «Толстовского фонда» в Америке А. А. Толстая и ее ближайшая помощница С. В. Панина, когда читали в романе «Пни» про дебют на сцене главного героя? Сам автор дебютировал 19 августа 1918 года в пьесе Артура Шницлера «Забавы», в маленькой роли Фрица Лобгеймера. Тот же эпизод в обрамлении иных подробностей появится в романе «Подвиг» и на минуту смутит сознание Лика в одноименном рассказе писателя.

В. И. и Н. Е. Вернадские с дочерью Ниной, сыном Георгием и его женой Ниной в Праге. Фотография 1926 года (?)

В начале ноября 1918 года, после падения правительства Сулькевича, в Гаспире собралось совещание, чтобы сформировать Второе краевое правительство Крыма во главе с С. С. Крымом. Вместе с кандидатами от других партий были представлены кадеты. Министром юстиции предложили назначить В. Д. Набокова-старшего. 18 ноября новое правительство приступило к своим обязанностям и выехало в Симферополь. Семье Владимира Дмит-

риевича предоставили квартиру в Ливадии в бывшем доме придворной капеллы. Через пять месяцев, 15 апреля 1919 года, судно «Надежда» увезло Набоковых навсегда от берегов родины.

В Гаспире тоже произошла некоторая смена «либералов и интеллектуалов». Небезосновательно опасаясь прихода большевиков, ее покинул в направлении западной границы России лидер потерпевшей крушение партии кадетов Иван Ильич Петрункевич с женой

Анастасией Сергеевной. Вместо них появились новые, столь же известные лица.

Первый Президент Украинской Академии наук, знаменитый ученый В. И. Вернадский (1863–1945) – многолетний соратник Ивана Ильича по земскому движению и кадетской партии – в Гаспире отдыхал со своей семьей дважды: в 1912 и в 1914 годах. В начале лета 1919 года, в самый разгар гражданской войны, уже при Деникине, сюда приехал с молодой женой Ниной его сын Георгий Вернадский (1887–1973). Их встретил и поселил во дворце оставшийся вместо управляющего сын Ивана Ильича – Михаил Иванович Петрункевич (1867–1943). Кроме Вернадских во дворце также жили Владимир Иванович Польш с Анной Михайловной и неразлучная с ней сестра Александра Михайловна Петрункевич (1875–?), профессор, преподавательница Бестужевских курсов. Вернадские очень сблизились с обитателями Гаспры и с удовольствием участвовали в их традиционных прогулках по окрестностям, в которые, как мы помним, прежде ходил Набоков. Обладательница

неплохого голоса Нина Владимировна Вернадская с большой пользой для себя брала уроки пения у Анны Михайловны, о чем спустя много лет написала «Воспоминания».

Летний отдых в Гаспире для ее гостей закончился с началом занятий в Таврическом университете. Там Вернадскому-младшему предложили читать курс лекций по русской истории, а чуть позже предоставили место начальника отдела печати в правительстве Врангеля.

В эмиграции Георгий Владимирович сначала жил в Афинах, потом в Праге, где возглавлял Семинарий академика Н. П. Кондакова, по сути Общество археологов, историков искусства, занимавшихся изучением истории средних веков и византиноведением. Уехав в 1927 году в Америку, Георгий Владимирович Вернадский сделал там блестящую карьеру ученого, преподавал в Йельском университете и написал ряд замечательных книг, завершив свою жизнь в науке публикацией монументального пятитомного труда по истории России, начиная с древнейших времен и заканчивая XVII веком. Характеризуя в своих мемуарах период граж-

- 46 -

*С. В. Панина в Америке.
Фотография 1950-х годов
(из коллекции В. Алхович,
Вашингтон)*

данской войны в Крыму, ученый назвал его «увлекательным и активным», ибо несмотря на трудные условия жизни, по его мнению, здесь был «расцвет умственной и религиозной жизни». Интересно, что именно Георгий Вернадский помог перед оккупацией Франции в 1939 году получить В. Набокову американскую визу и тем самым спас его семью от смертельной опасности.

Почти теми же дорогами скитаний из страны в страну протекала эмигрантская жизнь последней владелицы Гаспры Софьи Владимировны Паниной. Но даже оказавшись без всяких средств к существованию, она продолжала бескорыстную благотворительную деятельность, помогала всем нуждающимся. В Праге, опираясь на финансовую поддержку супругов Крамерж и президента Чехословакии Масарика, графине Паниной удалось создать общество «Русский очаг», помогавшее выжить русской студенческой молодежи. В Америке, куда Софья Владимировна эмигрировала после захвата Чехословакии нацистами, она занималась делами Комитета помощи русским эмигрантам, получившего известность как «Толстовский фонд». Его основала А. А. Толстая, та самая «Саша», что в 1901–1902 годах гостила в Гаспре вместе со своими знаменитыми родителями.

На склоне лет С. В. Панина вернулась в Европу, некоторое время провела в Швейцарии, а последние годы жила во Франции, где и скончалась в возрасте 86 лет.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ ДОМА ОТДЫХА ЦеКУБУ

В обстановке частых смен власти покорение Крыма красными в ноябре 1920 года многие воспринимали как временное явление. Может быть, поэтому Гаспру не стали покидать супруги Анна Михайловна и Владимир Иванович Польш. Без них не хотела уезжать и Александра Михайловна Петрункевич. К тому же, они не участвовали ни в каких партиях, ни в каких движениях и справедливо считали себя и свои занятия сугубо мирными.

На первых порах их действительно не трогали. Александру Михайловну даже назначили заведующей усадьбой, вместо сразу же арестованного в 1920 году Михаила Ивановича Петрункевича. Через три года он с женой Елизаветой Ильиничной, урожденной Бакуниной, и двумя дочерьми (Ольгой и Ириной) был подвергнут административной ссылке; в 1930-х годах жил в Москве, а перед самой войной в Ленинграде. Как многие

- 47 -

Дом отдыха ЦеКУБУ. Почтовая открытка начала 1920-х годов

О. Э. Мандельштам.
Фотография 1910 года

«лишеницы» зарабатывал на жизнь редкими переводами. Его сыну Ивану удалось эмигрировать с остатками армии Деникина в Чехословакию.

По счастью, в первые семь лет волна повального разорения усадеб вроде бы не задела Гаспру. Вожди пролетариата все-таки испытывали почтение к личности А. Н. Толстого, а заодно и к тем вещам, которые о нем напоминали. В конце 1921 года Гаспру вместе с

прилегающими имениями «Ай-Тодор» и «Барбо-Кристо» передали для отдыха интеллигенции. В начале 1922 года тут открылся санаторий Дома ученых ЦеКУБУ (Центральной Комиссии по улучшению быта ученых), иногда называемый Домом отдыха, который буквально спас жизнь сотням известных писателей, музыкантов, художников, актеров и ученых, в их числе — автору популярной в те годы пьесы «Дети Ванюшина» С. А. Найденову и большой группе петроградских ученых.

В 1923 году в Крым с большим трудом перевезли тяжело больного художника Б. М. Кустодиева, который здесь провел почти четыре месяца — с мая по август. Прикованный к инвалидной коляске, он тем не менее не выпускал из рук цветных карандашей и набросал целую галерею острохарактерных портретов отдыхавших вместе с ним людей. Благодаря этим портретам мы узнаем, что в Гаспре в тот год были: композитор и пианист Константин Николаевич Игумнов, еще один талантливый пианист — Петр Яковлевич Семенов, сын расстрелянного большевиками строите-

ля Симеиза генерал-лейтенанта Я. П. Семенова, профессор медицины Павел Никитич Сакулин и солист Большого театра Анатолий Константинович Минеев. К группе подписанных и в Гаспре датированных портретов Кустодиева относится рисунок головы Надежды Яковлевны Мандельштам. Это значит, что вместе с ней отдыхал никогда не покидавший свою жену замечательный поэт Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1941). Если сюда включить творческий дуэт супругов Поль, которых, по свидетельству Маковского, использовали для «народных» зрелищ и для «развлечения музыкой красных раненых, размещенных по дворцам и больницам черноморского побережья», то можно себе представить, как много пели и играли тем летом в Гаспре. Может поэтому так необыкновенно легко и быстро, всего за сентябрь, были написаны Мандельштамом первые главы воспоминаний «Шум времени». Сквозь их музыкальную стилистику как будто доносятся звуки много повидавшего на своем веку гаспринского рояля Промберга. Ведь и он отражал ту же «смену династий», которую де-

Композитор и пианист
К. Н. Игумнов.
Рисунок Б. М. Кустодиева,
Гаспра, август 1923 года

монстрировали запечатленные Мандельштамом дирижеры «за высоким пультом стеклянного Павловского вокзала».

Находясь во дворце, где еще витал дух его прежних владельцев, общаясь с их родственниками, пользуясь собранной ими библиотекой, бывший теннисист, а ныне разуверившийся марксист, не без сарказма вспоминал на этом фоне «свои университеты» и уст-

- 50 -

*Астрономы Симеизской обсерватории у себя за вечерним чаем.
Фотография 1927 года*

раняемые в Тенишевском училище чтения Литературного фонда, прозванные там «*панихидами*». В том же ироничном ключе преподнесены Осипом Эмильевичем заседания Юридического общества, «*возглавляемого Максимом Ковалевским и Петрункевичем, где с тихим шипением разливался конституционный яд*». Последняя фамилия также ассоциировалась у поэта с его одноклассником Ванюшей Корсаковым, «*по прозвищу Котлета (рыхлый немец, причес-*

ка в скобку, русская рубашечка с шелковым поясом, семейная земская традиция: Петрункевич, Родичев)». Что касается другого тенишевца и тоже поэта — Владимира Набокова, покинувшего Гаспру четыремя годами ранее, Мандельштам, если и знал его фамилию, то скорее всего связывал ее с личностью министра бывшего Краевого правительства Крыма.

В числе завсегдаев дореволюционной Гаспры, а в дальнейшем и санатория, были

астрономы Симеизской обсерватории, большие поклонники музыки и сами незаурядные музыканты Г. Н. Неуймин и В. А. Альбицкий. В свое время оба тесно общались с основателем обсерватории Николаем Сергеевичем Мальцевым, посещали устраиваемые во дворце его брата Ивана Сергеевича музыкальные вечера и концерты и, несомненно, были знакомы с их сестрой Анастасией Сергеевной и ее мужем Иваном Ильичем Петрункевичем. Не случайно, планету, открытую 5 апреля 1913 года в Симеизе, Григорий Наумович Неуймин (1885–1946) назвал «*Мальцовой*» (№ 749). А 30 июля 1916 года им была обнаружена другая планета, на этот раз нареченная «*Гаспра*» (№ 951). Похоже, что некоторое отношение к бывшим обитателям одноименной усадьбы имеет также астероид «*Сакунтала*» (№ 1166), открытый 27 июня 1930 года женщиной-астроном П. Г. Пархоменко. В России индийская поэма с таким названием получила известность и стала очень популярной благодаря постановке драмы Калидазы в театре Таирова. Но вот знали ли в то время ее поклонники, что бывший обитатель Гаспры, а ныне парижский эмигрант,

- 51 -

С. И. Белявский

Владимир Иванович Поль принял в создании драмы самое непосредственное участие? Он не только перевел поэму на русский язык, но и написал для постановки музыку, специально аранжированную под индийские народные инструменты.

Еще одного симеизского астронома, С. И. Белявского (1883–1953), в 1923 году директора обсерватории, Осип Мандельштам опознал как своего педагога, «*ретитора революции*» образца 1905 года и, совсем не задумываясь о последствиях, поместил его ост-

А. В. Лентулов среди отдыхающих санатория ЦеКУБУ (сидит в первом ряду четвертым слева). Вторая слева сидит на земле — его дочь Ариадна. Гаспра, 1926 год (из архива Ф. Лентулова)

роумно-приперченный и во многом несправедливый портрет в «Шум времени».

Особенно полюбили Гаспру художники. Романтический замок, живописное местоположение и постоянно освещенный ландшафт были идеальной мастерской под открытым небом. Ариадна Лентулова, дочь крупнейшего русского художника, одного из лидеров художественного объединения «Бубновый валет» Аристарха Васильевича Лентулова (1882—1943), красочно описывала их отдых весной 1926 года. При-

ведем ее рассказ в некотором сокращении: «Общество, которое собралось в тот сезон в Доме отдыха, вначале увлекало Лентулова куда больше, чем пейзажи и натюрморты, которые он прискал писать. Днем совершались большие прогулки, нередко с заходом в духанчики, а вечерами заводилой снова становился Аристарх Васильевич. Он вспоминал свою молодость и с увлечением ставил живые картины. Опять пошли в ход шедевры Третьяковской галереи: «Три богатыря», «Иван

Грозный» и т.д. Ставила «Сикстинская мадонна», которую изображала самая хорошенькая женщина, а Сикста — известный математик Чаплыгин. Картины шли с успехом. Наиболее солидные ученые охотно преобразались в лошадей, а ученые «помельче» размещались у них на спинах. Лошади били копытами и ржали к большому удовольствию публики. Веселее и остроумнее всех были математики, умевшие хорошо отдохнуть.

Организовал Аристарх Васильевич и «Комхор» (комический хор), в котором сам принимал активное участие как гример и певец. Помню, как одна сухощавая, высокая и серьезная женщина пела басом под аккомпанемент хора чувствительный старинный романс «Свой уголок я убрала цветами, я вас ждала, а вы, вы все не шли» под гомерический хохот всего зала. Словом, веселью не было предела, а работа все не начиналась. Но вот Лентулов, как бы сделав разгон и накопив настроение, а главное — живописные впечатления, готовит огромный холст размером 140х170 см и тащит его на обрыв, откуда открывается панорама Ай-Петри. Он очень любил эту

А. В. Лентулов в Гаспре. Фотография 1926 года (из архива Ф. Лентулова)

гору и давно уже искал место, откуда можно было бы ее написать. Размер холста всех удивлял. Мама боялась, что на него не хватит красок. Часто во время ветра отцу приходилось привязывать холст толстым ремнем к своим собственным брюкам и таким образом управлять этим своеобразным парусом, причем никак нельзя было понять, кто же кого несет к обрыву. А я тащила сзади тяжелый ящик с красками и в страхе крича-

ла, что отец полетит вместе с холстом в пропасть. Работал он над картиной долго и упорно. Общество скучало без своего режиссера, а он снова превратился только в художника и с увлечением работал целыми днями.

Пейзаж Ай-Петри и некоторые другие вещи этого рода были приобретены Третьяковской галереей».

Лето 1926 года не принесло радости другому русскому художнику — Михаилу Васильевичу Нестерову (1862—1942). 23 июля скончался от паралича сердца его лучший друг Виктор Михайлович Васнецов. На душе было безрадостно и тяжело. Все, что хотелось писать, осталось в прошлом. Тревожило отношение новых властей к старому искусству. В Третьяковке активно обсуждался вопрос о снятии с постоянной экспозиции «религиозной» картины Александра Иванова «Явление Христа народу». Выступая на ее защиту, Нестеров советовал сторонникам этой глупой затеи видеть за «академической оболочкой» сюжета «реальную внутреннюю подоплеку, такую реальную, как в «Боярине Морозовой», как в действующих лицах «Мертвых душ»,

как в героях шекспировских трагедий, где через стиль, эпоху, символы и прочее рвется из всех щелей мощная, живая, реальная сущность изображаемого действия». Художник вдруг остро почувствовал, что ему, как последнему свидетелю ушедшего века, необходимо высказать свое к нему отношение, и он решил взяться за перо. Как раз в это время пришла путевка в Гаспру, и уже в конце октября он был там, где все напоминало о прошлом, о дорогих его сердцу ялтинцах, о тех, кого уже давно не было в живых и кого отсюда выслали. Только старушка Варвара Ивановна Токмакова с немногими оставшимися при ней детьми и внуками все еще обитала в «Олеизе». Когда-то, летом 1899 года, Нестеров снимал у нее для больной дочери Ольги дачу «Ньюру».

Погода стояла по-августовски теплая, и хотелось рисовать. Из письма к родным и друзьям видно, что за это время М. Н. Нестеров написал четырнадцать этюдов и большую часть книги воспоминаний «Давние дни», в работе над которыми ему очень помогли взятые в гаспринской библиотеке мемуары. Судя по всему,

большое впечатление произвела на Нестерова книга Стасова о Н. Н. Ге, куда, помимо собственных рассуждений автора, входили «целые страницы из дневников самого Ге», по мнению Михаила Васильевича — «очень интересных». Хотя Нестеров не разделял увлечения Николая Николаевича «толстовством», высказывая неудовольствие по поводу трактовки им евангельских тем, художник оценил в Ге другое. «Для меня, — отметил он, — это сверка, как пишут добрые люди свои воспоминания, и вижу, как и я, где лучше, а где и похуже. Ге, помимо всего прочего, был даровит и умен». Чуть позже, с огромным удовольствием прочитав «Записки Е. Дашковой», Нестеров признался, что эта умная дама напомнила ему «другую умную даму Наталью Григорьевну» (Яшвиле).

Кому посчастливилось перелистывать драгоценные страницы «Давних дней», те не могут не оценить своеобразие и живость включенных туда литературных портретов, в том числе портрета княгини Яшвиле. В отличие от «Шума времени» Мандельштама, где персонажи всего лишь зеркальные осколки, устилающие

театральные подмостки революции, герои Нестерова — люди, что называется, на все времена, деятельные, наделенные острой индивидуальностью. Их духовные силы и творческие способности всегда полезны обществу, ибо ведут не к разрушению, а к созиданию. В работе над книгой раскрылось и писательское дарование автора, и его острый взгляд художника-портретиста.

Возвращаясь в Москву, Нестеров уже точно знал, что на следующий год вернется в Гаспру, чтобы дописать воспоминания, а прежде возьмется за кисть. И, действительно, все лето 1927 года Михаил Васильевич провел в подмосковной усадьбе Мураново, где и раньше с увлечением писал пейзажи, а теперь начал энергично работать над портретами внуков любимого им поэта — Николая Ивановича и Софьи Ивановны Тютчевых.

Отдыхать осенью в Крыму ни ему, ни кому другому уже не пришлось. От сильного землетрясения 11 сентября 1927 года Гаспра пострадала более других мест. Кровли дворца и храма обрушились до первого этажа. Появились глубокие трещины в остальных постройках санатория, в частности, в

ла, что отец полетит вместе с холстом в пропасть. Работал он над картиной долго и упорно. Общество скучало без своего режиссера, а он снова превратился только в художника и с увлечением работал целыми днями.

Пейзаж Ай-Петри и некоторые другие вещи этого рода были приобретены Третьяковской галереей».

Лето 1926 года не принесло радости другому русскому художнику — Михаилу Васильевичу Нестерову (1862—1942). 23 июля скончался от паралича сердца его лучший друг Виктор Михайлович Васнецов. На душе было безрадостно и тяжело. Все, что хотелось писать, осталось в прошлом. Тревожило отношение новых властей к старому искусству. В Третьяковке активно обсуждался вопрос о снятии с постоянной экспозиции «религиозной» картины Александра Иванова «Явление Христа народу». Выступая на ее защиту, Нестеров советовал сторонникам этой глупой затеи видеть за «академической оболочкой» сюжета «реальную внутреннюю подоплеку, такую реальную, как в «Боярине Морозовой», как в действующих лицах «Мертвых душ»,

как в героях шекспировских трагедий, где через стиль, эпоху, символы и прочее рвется из всех щелей мощная, живая, реальная сущность изображаемого действия». Художник вдруг остро почувствовал, что ему, как последнему свидетелю ушедшего века, необходимо высказать свое к нему отношение, и он решил взяться за перо. Как раз в это время пришла путевка в Гаспру, и уже в конце октября он был там, где все напоминало о прошлом, о дорогих его сердцу ялтинцах, о тех, кого уже давно не было в живых и кого отсюда выслали. Только старушка Варвара Ивановна Токмакова с немногими оставшимися при ней детьми и внуками все еще обитала в «Олеизе». Когда-то, летом 1899 года, Нестеров снимал у нее для больной дочери Ольги дачу «Нюру».

Погода стояла по-августовски теплая, и хотелось рисовать. Из письма к родным и друзьям видно, что за это время М. Н. Нестеров написал четырнадцать этюдов и большую часть книги воспоминаний «Давние дни», в работе над которыми ему очень помогли взятые в гаспринской библиотеке мемуары. Судя по всему,

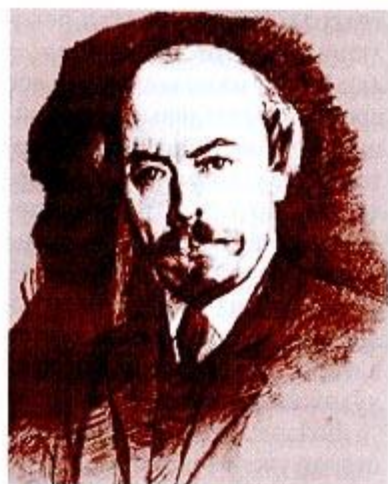
большое впечатление произвела на Нестерова книга Стасова о Н. Н. Ге, куда, помимо собственных рассуждений автора, входили «целые страницы из дневников самого Ге», по мнению Михаила Васильевича — «очень интересных». Хотя Нестеров не разделял увлечения Николая Николаевича «толстовством», высказывая неудовольствие по поводу трактовки им евангельских тем, художник оценил в Ге другое. «Для меня, — отметил он, — это сверка, как пишут добрые люди свои воспоминания, и вижу, как и я, где лучше, а где и похуже. Ге, помимо всего прочего, был даровит и умен». Чуть позже, с огромным удовольствием прочитав «Записки Е. Дашковой», Нестеров признался, что эта умная дама напомнила ему «другую умную даму Наталью Григорьевну» (Яшвиле).

Кому посчастливилось перелистывать драгоценные страницы «Давних дней», те не могут не оценить своеобразие и живость включенных туда литературных портретов, в том числе портрета княгини Яшвиле. В отличие от «Шума времени» Мандельштама, где персонажи всего лишь зеркальные осколки, устилающие

театральные подмостки революции, герои Нестерова — люди, что называется, на все времена, деятельные, наделенные острой индивидуальностью. Их духовные силы и творческие способности всегда полезны обществу, ибо ведут не к разрушению, а к созиданию. В работе над книгой раскрылось и писательское дарование автора, и его острый взгляд художника-портретиста.

Возвращаясь в Москву, Нестеров уже точно знал, что на следующий год вернется в Гаспру, чтобы дописать воспоминания, а прежде возьмется за кисть. И, действительно, все лето 1927 года Михаил Васильевич провел в подмосковной усадьбе Мураново, где и раньше с увлечением писал пейзажи, а теперь начал энергично работать над портретами внуков любимого им поэта — Николая Ивановича и Софьи Ивановны Тютчевых.

Отдыхать осенью в Крыму ни ему, ни кому другому уже не пришлось. От сильного землетрясения 11 сентября 1927 года Гаспра пострадала более других мест. Кровли дворца и храма обрушились до первого этажа. Появились глубокие трещины в остальных постройках санатория, в частности, в

- 56 -

М. В. Нестеров

так называемом «флигеле у фонтана», где прежде останавливалась семья Набоковых. За восстановление Гаспры взялся известный ялтинский архитектор Лев Николаевич Шаповалов (1871–1957) и сделал это в максимально короткие сроки с величайшей аккуратностью и почтением к памятнику старины. Единственное, что ему не позволили сделать, так это поставить на прежнее место купол над уже закрытым для богослужений храмом Св. Троицы.

Отголоски крымского землетрясения и причиненных им человеческих страданий докатились до мастерской Несте-

рова через год. Закончив в начале июля 1928 года портрет дочери Веры Михайловны Титовой, Михаил Васильевич объявил своему другу С. М. Дурьлину о желании написать прекрасную больную девушку, «лежащую много лет в ожидании смерти». По рассказам внучки живописца Марии Ивановны Титовой, речь шла о Зое Бурковой, приехавшей с матерью после землетрясения из Ялты в Москву. С ней Михаила Васильевича познакомил – священник – отец Сергей Щукин, которого художник знал еще по Крыму, очень его уважал, а в Москве любил ходить к нему на церковные службы. С. М. Дурьлин, едва увидев законченный портрет, сразу отметил, что он относится к тем работам художника, «где почти осязаема его ласка человеку, где почти ощущима его радость от сознания, что и в самых тяжких страданиях может проявиться нетленная красота человечности». В живописном отношении полотно написано совершенно виртуозно, в нем белый цвет в контрасте с черным и темно-красным сияет всеми переливами перламутра. «Больная девушка» произвела большое впечатление на ок-

ружающих. В 1935 году ее заметил на выставке А. М. Горький и «прилился душой». Эта приобретенная Алексеем Максимовичем картина всегда висела в спальне писателя. Вряд ли ему тогда решились сообщить, что отец Зои трагически погиб во время красного террора в Ялте. Только недавно удалось узнать из публикаций Киевской генеральной прокуратуры, что «Бурков Владимир Иванович, 1872 года, родился и жил в Москве. Осужден в 1920 году. Реабилитирован в 1993 году».

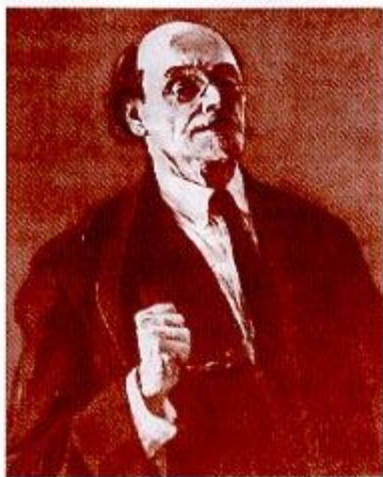
Пока в Москве писался портрет Зои Бурковой, самого Горького, только что вернувшегося из Италии, с триумфом и ликованием встречали на Южном берегу Крыма. И никому не было дела, что где-то в Праге за месяц до его приезда умер от разрыва сердца «охнув и грузно упав ничком», старый Иван Ильич Петрункевич. А как хотелось ему оказаться в Ялте на месте великого пролетарского писателя и навек упокоиться на Поликуровском холме рядом с братом и дочерью. В эмигрантской демократической прессе много и с чувством писали «о незаменимой утрате и подлинном труженике». Как раз

- 57 -

М. В. Нестеров.
«Больная девушка», 1928 год

в это время Владимир Набоков сочинял роман «Подвиг» и, по свойственной ему привычке, заметил в каждой эпитафии по особо засушенному выражению, вроде «пламенел любовью к России» или «всегда держал высоко перо», и набросал собственный портрет Петрункевича, живой и трогательный, разумеется, из соображений конспирации, под чужой фамилией – Игоголевич: «Мартыну было больше всего жаль своеобразия покойного, действительно незаменимого, – его жестов, бороды, лепных морщин, неожиданной застен-

М. В. Нестеров.
«Автопортрет», 1928 год

чивой улыбки, и пиджачной пуговицы, висевшей на нитке, и манеры всем языком лизнуть марку, прежде, чем ее налепить на конверте да хлопнуть по ней кулаком. Это было в каком-то смысле ценнее его общественных заслуг».

Но вернемся в Москву к Михаилу Васильевичу Нестерову. С начала августа и по конец октября 1928 года он много и напряженно работал над «Автопортретом». Одни находили картину очень удачной: «строгой, взыскующей», другим больше нравилась сама натура. «Автопортрет» был

приобретен Третьяковской галереей и вошел в золотой фонд русской живописи. В ноябре с легким сердцем Нестеров отправился отдыхать в Гаспру и вскоре признавался в письме С. М. Дурьлину в любви к Крыму, который раньше недооценивал: «Он казался мне и «акварельным», и еще что-то, по сравнению, например, с благословенной Италией, а теперь, когда Италия стала недоступной простым смертным, то и Крым, пожалуй, сойдет, ну хоть за Флоренцию». Михаилу Васильевичу нравилось бродить по окрестностям Ай-Тодора, Гаспры и Кореиза и писать пейзажи из своего окна. Судя по этим этюдам, жил Нестеров тогда в одном из флигелей и по вечерам, как раньше, работал над литературными портретами своих современников.

Ровно через год Нестеров снова оказался в Гаспре, чтобы, наконец, поставить точку в книге «Давние дни». Воспоминания сосредоточились на очерке о А. В. Прахове. «На днях я был в Ялте, — сообщил Михаил Васильевич А. А. Турыгину. — Там над морем, наверху горы теперь покоятся брешные останки нашего Адриана Викторовича Прахова.

С. Панина и А. Петрункевич в Америке.
Фотография 1955 года (из коллекции В. Ляхович, Вашингтон)

Он и его брат, талантливый и рано умерший поэт, лежат рядом. На холмике венки. Кругом задумчивые, хранящие покой, кипарисы. А в прошлом шумная деятельность — Владимирский собор — суется. Все прошло, все миновало, «холмик», кипарисы, дикая яблонька, а там вдали шумный город и спокойное умиротворенное море», — грустно, совсем по-чеховски заканчивается письмо.

Природа Южного берега по-прежнему радовала, но все

же производила впечатление «оперы или маленького сицилийского городка Чефалу» — несколько отстраненно замечал старый художник, рассматривая корейскую деревушку: «Ее восточные домики ютятся, жмутся к скалам; то там, то здесь слышится журчание ключей, они несутся с гор в море, а оно спокойное, темно-свинцовое стелется вдали, сливаясь с ярко-желтой полосой горизонта».

Разве не удивительно, что похожее чувство испытывал,

находясь вдали от родины, Владимир Набоков. Раньше и ему Крым казался чем-то экзотическим и тоже «багдадом», но прошло время, и изгнанник, вспоминая, — что особенно важно, — ту же самую деревушку, «вдруг услышал прохладный звук воды и подумал, что в мире нет лучшей музыки». Уже в 1920 году в поэме «Крым» Набоков так реально, так зримо в деталях и красках представил «на зло неистовым тревогам» ничем не замутненную, вечную красоту таврического ландшафта,

так пронзительно передал чувство любви и утраты родины, что начинаешь понимать: Крым для Набокова — больше чем «иолустанок» на пути из Петербурга, Москвы и Киева в Константинополь, Париж, Нью-Йорк. Не только для Владимира Владимировича, для миллионов наших бывших соотечественников Южный берег был и остается той самой «обетованной землей», без которой немислимо понятие родины, как немислима теперь звездная карта мира без планеты с названием «Гаспра».

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. Набоков

КРЫМ

Назло неистовым тревогам,
ты, дикий и душистый край,
как роза, данная мне Богом,
во храме памяти сверкай!..
Тебя покинул я во мраке:
качаясь, огненные знаки
в туманном небе спор вели
над гулом берегов коварных.
Кругом, на столбиках янтарных,
стояли в бухте корабли.

-61-

В краю неласковом скучая,
все помню — плавные поля,
пучки густые молочая,
вкус теплых ягод кизила;
я любовался мотыльками
степными — с красными глазками
на темных крылышках... Текла
от тени к тени золотистой,
подобна музыке волнистой,
неизъяснимая ййла!

О, тиховейные долины,
полдневный трепет над травой,
и холм — залет перепелиный...
О, странный отблеск меловой
расщелин древних, где у края
цветут пионы, обаяя
чертополоха чешую,
и лиловеет орхидея...

В. Набоков. 1941 год

О, рощи буквые, где я
подслушал, Пан, свирель твою!

Воображаю грань крутую
и прихотливую ййлы,
и там — таинственную тую,
а у подножия скалы —
сосновый лес... С вершины острой
так ясно виден берег пестрый,
хоть наклонись да подбери!

Там я не раз, весною дальней,
встречал, как счастье,
луч начальный
и ветер сладостный зари...

Там, ночью звездной, я порою
о крыльях грезил... Вдалеке,
меж гулким морем и горою,
огни в знакомом городке,
как горсть алмазных ожерелий,
небрежно брошенных, горели
сквозь дымку зыбкую, и шум
далеких волн и шорох бора
мне посылали без разбора
за росой рой нестройных дум!

62 Любил я странствовать по Крыму...
Бахчисарая тополя
встают навстречу пилигриму,
слегка верхами шевеля;
в кофейне маленькой, туманной,
эстампы английские странно
со стен засаженных глядят,
лет полтора им — и боле:
бой былые — тучи, поле
и куртки красные солдат.

И посетила я по дороге
чертог увидший. Лунный луч
белел на каменном пороге.
В сенях воздушных капал ключ
очарованья, ключ печали,
и сказки вечные журчали
в ночной прозрачной тишине,
и звезды сыпались над садом.
Вдруг Пушкин встал со мною
рядом
и ясно улыбнулся мне...

О, греза, где мы ни бродили!

Там дни сменялись, как стихи...
Баюкал ветер, а будили
в цветущих селах петухи.
Я видел мертвый город: ямы
былых темниц, глухие храмы,
безмолвный холм Чуфуткале...
Небес я видел блеск блаженный,
кремнистый путь, и скит
смирренный,
и кельи древние в скале.

На перевале отдаленном
приют — старик полуслепой
мне предложил, с поклоном
сонным.

Я утомлен был, над тропой
сгущались душевные потемки;
в плечо вливался мне котомки
линяющий, узкий ремешок;
к тому ж над лысиною горной
повисла туча, словно черной,
набухший, бархатный мешок.

И тучу, полную жемчужин,
проткнула с хохотом гроза,
и был уютен малый ужин
в татарской хижине: буза,
черешни, пресный сыр овечий...
Темнело. Тающие свечи
на круглом низеньком столе,
покрытом пестрою скатеркой,
мерцали ласково и кротко
в пахучей, теплой полумгле.

И синим утром я обратно
спустился к морю по пятам
своей же тени. Неоприятно
цвели на кручах, тут и там,
деревья тусклые Иуды,

на камнях масла изумруды
дремотных ищериц, трона
вилась меж садилов веселых;
пел ручеек, на частоколах
белели козы черена.

О, закодированный, о, дальний
воспоминаний уголок!
Внизу, над морем, цвет
миндальный,
как нежно-розовый дымок,
и за полною поляна,
и кедров мощные Ливана,
аллея псалительная мгла
(приют любви моей туманной!),

и кипарис благоуханный,
и восковая мушмула...

Меня те роци позабыли...
В душе остался мне от них
лишь тонкий слой цветочной
пыли...

К закату листья дум моих
при первом ветре обратятся,
но если Богом мне простятся
мечты ночей, ошибки дня,
и буду я в раю небесном,
он чем-то издавна известным
повеет, верно, на меня!

30 июня 1920

